

Николай Лесков

Неоцененные услуги

Николай Лесков
Неоцененные услуги

«Public Domain»

1891

Лесков Н. С.

Неоцененные услуги / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1891

«Раз летом мы с князем поехали к Кушелевым, в Царское Село, и при нас, незадолго перед обедом к ним зашел Жомини. Несогласный князь находился в расположении спорить и «прицелился» к дипломату по поводу занимавших тогда общество болгарских дел. Он повел беседу очень остроумно и игриво, но так плотно атаковал Жомини, что тот почувствовал тесноту и, сократив свой визит, удалился. А мы съели в благовремении предложенный нам обед, а после обеда пошли в довольно большой компании пешком в Павловск, и тут вздумали не возвращаться назад в Царское Село, а уехать прямо отсюда в Петербург. Наши хозяева провожали нас к самой павловской железнодорожной платформе, у которой мы застали готовый к отправлению поезд...»

Содержание

Отрывки из воспоминаний	5
I	7
II	9
III	11
IV	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Семёнович Лесков

Неоцененные услуги

Отрывки из воспоминаний

1

В этом впервые публикуемом рассказе, пролежавшем под спудом более ста лет, каждый, кто когда-нибудь всерьез читал Лескова, сразу обнаружит немало знакомого – начиная от речевых оборотов, лексики, интонаций и вплоть до сюжетных ходов, мотивов, даже персонажей. Потеряв надежду напечатать рассказ, писатель долго сохранял привязанность к самому замыслу, растворив его фрагментами в новых своих произведениях. Но с легкостью опознается здесь рука Лескова и по другим, более глубоким причинам. При всей пестроте и многокрасочности его творчества – о чем давно и справедливо пишут – мир Лескова поразительно устойчив: из произведения в произведение кочуют герои с повторяющимся набором качеств, со сложившимся распределением ролей, дублируются ситуации, перекликаются мотивы – как бы осколки утраченного (или несобранного?) национального эпоса, творимого, конечно, самим писателем.

Речь идет не обо всех произведениях Лескова, но о центральных, принесших ему известность, даже и скандальную: хроники «Соборяне» и «Захудалый род», роман «На ножах» и знаменитые «рассказы о праведниках» – такие, как «Несмертельный Голован» и «Однодум». Они органично складываются в единый текст, живя по общим законам, где почвенная провинциальная Россия противостоит «безнатурной» столичной, а всеми презираемые чудачки – ходячей условной морали, где подлинная религиозность (и ортодоксальная, и сектантского толка) попирается показной набожностью, где добродетель бессильна перед интригой, а трезвый взгляд пасует под напором массовой истерии. Немало страниц заняла бы и беглая характеристика этого мира, но вряд ли в ней есть необходимость: знакомясь с публикуемым рассказом, читатель сам вспомнит излюбленные лесковские ходы.

И все же: произведение, так и не прорвавшееся к массовой аудитории, написанное в полуфельетонной манере, по следам конкретных – прочно сегодня забытых – политических событий, оказывается в одном ряду с ключевыми в творчестве Лескова текстами? Не преувеличение ли?

Ответ даст читатель. И конечно – время. Стоит, однако, иметь в виду, что Лесков вынашивал этот замысел не один год и провел его через цепь вполне завершенных редакций, настолько к тому же разных, что некоторые из них могут читаться как самостоятельные произведения (первое упоминание о замысле относится к 1888 г., один из промежуточных вариантов – к 1891; окончательный текст появился, видимо, чуть позже). Эта настойчивость в работе – не такая уж, кстати, частая у Лескова – симптоматична. И прежде всего бросается в глаза, что почти все те реальные лица (выведенные в основном под вымышленными именами), кого Лесков рисует в рассказе с неизбежной иронией, называя «людьми крутой патриотической складки», двумя десятилетиями ранее составляли круг его непосредственного общения – отнюдь не тесный приятельский кружок, но сообщество единомышленников, связанных сотрудничеством в одних и тех же – консервативных – изданиях и тяготевших к платформе М. Н. Каткова, признанного «столпа» правой печати. Альянс, правда, был недолгим. В начале

¹ Текст рассказа подготовлен для посвященного Н. С. Лескову тома «Литературного наследства», где он печатается в расширенном виде: с учетом всех редакций и вариантов; автограф хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина – фонд 360, карт. 2. ед. хр. 16.

1870-х гг. писатель всерьез разделял их взгляды, но уже к концу десятилетия бесповоротно им изменил.

Политические убеждения Лескова прошли извилистый путь – прихотливый, казавшийся многим путаным, но и выстраданный, и по-своему логичный. Разрыв с охранителями стал в его эволюции поворотной точкой: отныне суждения Лескова не то чтобы тронуты общественным скептицизмом, хотя часто складывается такое впечатление, но пронизаны глубоким неприятием партийной борьбы. Вне ее порочного круга найти ответы на существенные вопросы – вот, пожалуй, скрытая пружина поздней публицистики писателя. Потому, возможно, он столь настойчиво возвращался к своему замыслу, потому испытывал недовольство, вновь и вновь перерабатывая текст, что ощущал потребность в убедительной дискредитации любой политической доктрины – не только лево-радикальной (на полемику с нигилизмом Лесков положил едва ли не всю жизнь, расплатившись за это своей репутацией), но и консервативной, некогда для него притягательной.

И хотя в рассказе затронуты события конца 1880-х гг, предметом авторской иронии оказались те самые панславистские упования, которые Лесков еще в 1870-е гг. наблюдал с близкого расстояния, завязав контакты с московскими славянофилами и прежде всего – с их лидером Иваном Аксаковым. Как писатель ни дорожил этими связями, но и в те годы панславизм казался ему ребяческой иллюзией, а десятилетием спустя, когда похмельем мучились многие из недавних защитников братьев-славян, разоблачить эту кампанию было особенно соблазнительно. Правда – и рискованно. В эпоху Александра III «люди крутой патриотической складки» все больше входили в силу, и неудивительно, что писателю так и не удалось довести рассказ до печатного станка.

Такова к тому же природа таланта Лескова, что критика идей обычно превращалась под его пером в карикатуру на их носителей, придавая самой масштабной полемике оттенок личной вражды, тем труднее маскируемой, что Лесков редко мог без раздражения вспомнить своих давних единомышленников. И все же – маскируемой.

«Неоцененные услуги» – коварный памфлет. Четко пропечатанная поначалу картина с резко очерченными деталями и конкретными реалиями убеждает как будто, что перед нами правдивая история, бесхитростно изложенная непритязательным бытописателем, каким Лесков любил представлять, подбирая скромные подзаголовки своим произведениям. «Отрывки из воспоминаний», излюбленное авторское определение жанра, – не более как ловушка для доверчивого читателя: исподволь Лесков менял манеру письма, решительно смещал акценты и даже искажал реальные события, замутняя при этом картину загадочными несообразностями, подергивая полуромантической дымкой или смело шаржируя, нарушая пропорции и попирая масштабы. Не случайно в рассказе цитируется – и явно, и скрыто – М. Е. Салтыков-Щедрин. Лесков многому у него научился, возрадив, однако, гротескные приемы на совсем иной, не щедринской, почве. Идеализация и буффонада, лирическая стихия и комический алогизм всегда органично уживались у Лескова, а в публикуемом рассказе сплелись столь тесно, что границы не ощущаются – и мы лишь с удивлением уже постфактум замечаем, что орловские предания, неизменно связанные для Лескова с незыблемыми этическими ценностями, внезапно травестируются петербургским высшим светом, вызывавшим у писателя глубокий скепсис.

Предмет самых заботливых попечений Лескова, «Неоцененные услуги» – как и все поздние дети – сосредоточили в себе особые авторские надежды, надолго, однако, погребенные в архиве. Жизнь рассказа начинается лишь теперь. Любопытно будет наблюдать, как сложится его судьба и как отразится в этой судьбе наше время – сродни ли оно надеждам писателя, побуждавшим его столь упорно возвращаться к своему замыслу?

I

В 1872 году по осени, когда я написал «Запечатленного Ангела», об этом рассказе услышала покойная фрейлина Пиллар ф<он> Пильхау и от нее приехал ко мне генерал-адъютант Сергей Егорович Кушелев с просьбой – чтобы я дал рукопись, которую они хотели прочесть императрице Марии Александровне². С этого случая у меня начались знакомства с несколькими домами, считавшимися тогда «в свете». Более прочих я сблизился с домом Кушелевых, где был принят дружески. Здесь я видел много разных интересных людей и между прочим встречался несколько раз с покойным дипломатом Жомини³. Мне очень нравился его тонкий и гибкий ум и прекрасная манера делать разговор интересным и приятным. Особенно я любил слушать, как он отвечал на предлагавшиеся ему «политические» вопросы или отшучивался от нападок на его «европеизм», которому тогда уже приписывали большой вред и противопоставляли ему то «трезвое слово» Каткова, то «патриотизм» Аксакова, то «аргументацию» Ростислава Фадеева и «смелые ходы» Редеди⁴.

Все это вызывало самые разнообразные оценки и давало повод к жарким и любопытным спорам, в которых наиболее отличался покойный Болеслав Маркевич, «ложившийся в лоск за Каткова».⁵ Его антагонистом был Z, которого часто ввали «несогласным князем». Это был человек умный, а еще вернее сказать, остроумный, но «неопределенного направления» и, что называется, «пила». Он слыл также за легкомысленника, и нес порицания за то, что любил «шутить высокими вещами». – За это его не везде жаловали, и он успел одно время довольно основательно попортить этим свою блестяще начатую служебную карьеру, но после изменил свой характер и все исправил.

Искренних чувств и убеждений несогласный князь не имел никаких. Постоянство он обнаруживал в эту пору только в одном, – он всегда был противоположного мнения с тем, с кем в данную минуту разговаривал, и всегда был склонен доказывать, что всякий его собеседник служит бесполезному или даже прямо вредному делу.

Любопытные воспоминания о виденном и слышанном мною в обществе этих лиц теперь еще не могут быть описываемы, а здесь я намерен рассказать только одну курьезную беседу, происходившую на нейтральной почве и сравнительно в позднейшие годы.

Раз летом мы с князем поехали к Кушелевым, в Царское Село, и при нас, незадолго перед обедом к ним зашел Жомини. Несогласный князь находился в расположении спорить и «прицелился» к дипломату по поводу занимавших тогда общество болгарских дел. Он повел беседу очень остроумно и игриво, но так плотно атаковал Жомини, что тот почувствовал тесноту и, сократив свой визит, удалился. А мы съели в благовремении предложенный нам обед,

² Речь идет о ближайшем окружении жены Александра II – о баронессе Н. К. Пиллар фок Пильхау и С. Е. Кушелеве (1821–1890), приятеле и покровителе Лескова в высшем свете и бюрократических кругах Петербурга. В 1873 г. писатель посвятил ему первопечатный текст рассказа «Очарованный странник».

³ Барон А. Г. Жомини (1817–1888), старший советник министерства иностранных дел. В качестве рассказчика – подставная фигура: отведенная ему роль (как и образ в целом) расходится с рядом мемуарных свидетельств; явно противоречит сюжету – см. ниже главу VII – единодушное утверждение современников, что Жомини плохо владел русским языком.

⁴ Р. А. Фадеев (1824–1883), генерал-майор, идеолог консервативной оппозиции, автор нашумевших книг «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)» (1874) и «Писем о современном состоянии России» (1881); выдвигал программу укрепления самодержавия и реставрации дворянства. Редедей (имя косожского хана рубежа X – XI веков, убитого в поединке с Мстиславом) вслед за М. Е. Салтыковым-Щедринным («Современная идиллия») Лесков называет генерал-лейтенанта М. Г. Черняева (1828–1898), туркестанского генерал-губернатора, скомпрометировавшего себя крупными военными неудачами на Балканах в 1870-е гг. Лесков сблизился с обоими, постоянно сотрудничая в начале 1870-х гг. в издававшейся ими охранительной газете «Русский мир».

⁵ Б. М. Маркович (1822–1884), беллетрист, публицист, влиятельный чиновник министерства народного просвещения; в среде высшей бюрократии и петербургской знати – проводник инспирированных М. Н. Катковым внутривластных реформ. Протежировал Лескову в придворных кругах и в редакции катковского «Русского вестника».

а после обеда пошли в довольно большой компании пешком в Павловск, и тут вздумали не возвращаться назад в Царское Село, а уехать прямо отсюда в Петербург. Наши хозяева проводили нас к самой павловской железнодорожной платформе, у которой мы застали готовый к отправлению поезд.

Это был один из ранних поездов, которые идут из Павловска почти пустые с тем, чтобы забирать еще из Петербурга пассажиров на музыку. В Петербург с таким поездом едут только очень немногие, – исключительно такие, которые приезжали в Павловск не для гулянок, а по какому-нибудь делу и спешат назад.

Не помню наверно, в котором часу отходил этот поезд, но с ним из Павловска отправлялось так мало, что когда я и князь вошли в вагон первого класса, то мы застали там только одного пассажира, и этот пассажир был не кто иной, как сухопарый Жомини.

Мы очень обрадовались такому приятному сопутнику, заняли места в уголке, где могли надеяться, что к нам никто посторонний подсосеживаться не станет, и у нас сразу же зашли разговоры, которые были продолжением царскосельской беседы, т. е. князь начал «народопоклонничать» и «нападать на дипломатию», а Жомини отшучивался и в этой игре стал давать князю шуточные сдачи, в которых было, однако, нечто характерное и достойное воспоминания.

Сначала князь и Жомини говорили между прочим о старой и новой дипломатических школах, о «меттерниховщине» и «горчаковщине» и противопоставляли приемам этих дипломатов «прямолинейный бисмаркизм». Князь в этот раз рыскал на славянофильских крыльях и на скаку метал «пестрый фараон». Он отстаивал «народный смысл» и безусловно отрицал какой бы то ни было <смысл в> дипломатических приемах, причем особенно едко осмеивал так называемые «интриги». По его словам, все интриги дипломатов всегда были только вредны, и никогда ни одна из них не повела ни к чему полезному.

– Ну уж, это слишком решительно сказано, – отозвался Жомини и добавил, что бывают случаи, когда прямо действовать в политике нельзя, и тогда интрижки бывают нужны и приносят пользу.

– Какого же рода это случаи?

– Разные, и, пожалуй, по преимуществу такие, когда приходится достигать полезных целей вопреки желаниям самого общества.

Князь пристал к нему с просьбою наглядно показать нам хоть несколько таких случаев, где интрига дипломатов, действовавшая в противность общественному желанию, была необходима и принесла несомненную пользу государству.

– Эта задача нелегкая, – отвечал Жомини, – но, однако, мне кажется, я могу ее исполнить и, может быть, немножко помирю вас с интригою. Начинаю без всяких вступлений, потому что буду говорить вам о фактах, очень недавних и притом самых общеизвестных. Я расскажу вам, если угодно, про три интриги.

Нам это, конечно, было угодно, и Жомини начал беседу.

II

– Первое – я думаю, вы помните, когда затеялось дело о признании независимости болгарской церкви?⁶

– Да; помню, – отвечал князь.

– В таком разе, вы должны помнить и голоса, воздымавшиеся тогда в пользу константинопольского церковного главенства? – продолжал Жомини. – Многим у нас очень хотелось, чтобы не была допущена самостоятельность церкви в Болгарии. По словам одной газеты, которую почему-то почитают в особом положении, – этого желали будто все истинные сыны церкви. Дипломатия, собственно говоря, всегда чувствует изрядное стеснение, когда ей приходится согласовать свои действия со вкусами церковных сыновей, и потому мы им всегда уступаем, в чем можем, но тут уступить было нельзя, потому что дело касалось общего положения, невнимание к которому со стороны церковных сыновей, прямо сказать, равнялось ослеплению. Если бы мы признали бесправие одной, хотя бы и маленькой, славянской державы иметь свою церковную независимость от константинопольских отцов, то мы подали бы логически вытекающий отсюда повод отвергать право точно такой же самостоятельности и за православную церковь в большой стране, потому что ведь не в величине страны дело...

Но тут князь перебил Жомини и сказал, что Россия и Болгария – это очень большая разница! и притом для нас этот вопрос о церковной самостоятельности уже давно решен в нашу пользу и под это решение никто не станет подкапываться.

– Конечно, конечно – покуда «с нами Бог»⁷, но мы не знатоки церковного права и по своей дипломатической трусости боимся опираться на средства малоизвестные, и потому предпочли обратиться к тому, что уже испробовано и что дает известные, определенные результаты...

– То есть вы сынтриговали, чтобы болгарам не было запрета выделиться из-под зависимости патриарха.

– Да, – немножечко сынтриговали.

– И болгары вам за это прекрасно заплатили...

– Я не совсем ясно понимаю: о какой вы говорите плате? Вы, может быть, разумеете их «неблагодарность»?

– Конечно!

Жомини сделал гримасу и отвечал:

– Ну, благодарность в политике... Это знаете, ведь такие вещи, о которых напрасно говорить, и мы, сынтриговав, как умели, против русских друзей византийских монахов, заботились вовсе не о том, чтобы сделать удовольствие болгарам, о которых мы имеем довольно близкие представления; а мы берегли Россию от всякого беспокойства когда бы то ни было вновь думать и рассуждать о том, что у нас сделано в своей лаборатории и по своему рецепту.

– Я вас понимаю, – сказал князь, – но как же вы это оборудовали? как вы интриговали?

– А это после... когда-нибудь... И поверьте, это совсем не особенно хитро и интересно, а только хлопотливо.

⁶ Поддерживая национально-освободительное движение в Болгарии, Россия поощряла и ее стремление к учреждению самостоятельной, автокефальной церкви, что вызывало сопротивление константинопольской патриархии и привело в 1872 г. к созыву Вселенского Собора и объявлению болгарской церкви схизматической. Говоря далее о позиции сынов церкви, Лесков имел в виду прежде всего Т. И. Филиппова (обычно писатель язвительно называл его «церквинным сыном»), литератора, в 1880-е гг. влиятельного сановника, видевшего в происшедшем расколе источник ослабления православной церкви.

⁷ Это библейское выражение приобрело в XIX веке злободневный смысл, связанный для Лескова с идеей национальной ограниченности. В 1888 г., обсуждая с А. С. Сувориным фразу из передовой статьи «Нового времени», посвященной речи О. Бисмарка («Необходимо <...> чтобы вера в счастливое и мирное развитие нашей родины вызывала в каждом русском слова: „С нами Бог!“), Лесков откровенно иронизировал: «Бога, конечно, разорвали. С ними т. е. с немцами. – О. М. Бог и с нами Бог...» (Revue des etudes slaves, Paris. 1986, э 3, p. 451).

– А очень хлопотливо?

– О, очень! время обнаружит со временем все наше интриганство в этом деле, и тогда окажется, что мы иногда стояли на высоте патриотического призвания не ниже тех, которые иногда слишком громко шумят о своем слепом патриотизме, и вы согласитесь тогда оказать мне доверие, – что интрига бывает нужна, а теперь я расскажу вам о некоторой другой интриге, которая опять касается такого неважного с вида дела, до которого внешней политике, собственно говоря, как будто никакого касательства нет, но которое люди крутой патриотической складки так поставили, что бедные дипломаты почувствовали необходимость пуститься в интригу, чтобы помешать довольно большой глупости и остановить позорнейший скандал, затеянный дальновидным дипломатическим умом самого Каткова.

– Как это: вы сочетаете слова: «глупость» и «Катков». Разве Катков делал глупости?

– Делал, и очень большие, и очень грубые. Не позабудьте, что он открыл и навязал России таких людей, с которыми ни один порядочный человек не хотел бы знаться. Из них здесь назову Ашинова.⁸

– Ах, вы это об этом «воровском казаке»! – воскликнул князь и расхохотался.

– Да, вот я об этом господине Ашинове, от воспоминания о котором вы теперь изволите так мило смеяться... Но ведь было время, когда возвешение о нем принимали иначе.

– Мне он никогда не казался ничем другим, как прощельюю.

– Это очень может быть, и я даже нисколько не сомневаюсь, что всякий рассудительный человек не мог хорошо думать об этом артисте, но, благодаря нашему Михаилу Никифоровичу, мы с этим Ашиновым имели черт знает сколько хлопот, и это не дошло до большой глупости только благодаря нашей интриге.

⁸ Н. И. Ашинов в 1888–1889 гг. предпринял экспедицию в Абиссинию, действуя от имени российского правительства, для присоединения «черных христиан» к «власти белого царя». Поддерживали Ашинова и М. Н. Катков, и К. П. Победоносцев. В 1889 г. он был взят в плен французами, переправлен в Россию и отдан под полицейский надзор. Описанная далее Лесковым истерия вокруг этого авантюриста подтверждается документально. В 1887 г. А. А. Киреев (см. о нем примеч. 23) записал в дневнике: «Долго у меня сидел Ашинов. Добродушный, хотя и не без хитрости, таким <...> должен был быть и Кортес, и Пизарро, и Ермак. По его мнению, война такое же ремесло, такое же занятие, как и прочие, торговля, мореходство и т. п. „Мы что же действуем не из-за угла, как разбойники <...> а что всяким чиновникам не стать нам, вольным казакам, подчиняться <...> да много ли они поймут из того, что нужно России да православию“ (Государственная библиотека им. В. И. Ленина, фонд 126. ед. хр. 10. лист 233 об. 234).

III

Я, как только прочел в газете Каткова о появлении «атамана вольных казаков», так мне показалось, что почтеннейший Михаил Никифорович как будто изменяет своей прозорливости, с которой он нас учил и которой мы с благодарностью обязательно слушались, но на этот раз мне показалось, что нам трудно будет соединить свои обязанности к нему с требованием служебного долга. Катков прямо шел к тому, чтобы свести правительство страны к якшательству с беспаспортным «воровским казаком» или бродягою; а нам, дипломатам, дорог престиж правительства! Михаил Никифорович, открывая дорогу этому милостивому государю, очевидно, заигрался, но ему еще верили, а он верил проходимцу, выступающему на арену искателя приключений с ребяческой отвагой старинного самозванца. По-нашему, сразу было видно, что затевается очевиднейшая глупость! Теперь, при облегчении всякого рода сношений, этого рода выходки ведь не могут достигать таких больших успехов, как было во время оно... Но, однако, Михайле Никифоровичу все удавалось, и тут вдруг удалось так прославить Ашинова, что его не только стали принимать в дома, но захотели даже «ввести его в круг действий»... Все это произошло так скоро, что, когда мы получили об этом авантюристе кое-какие сведения, и притом сведения, очень для него невыгодные, – Катков уже втер его в благорасположение очень почтенных особ, и Ашинова пошли возить в каретах и передавать с рук на руки, любуясь его весьма замечательными невежествами, какие он производил с безрассудством дикаря или скверно воспитанного ребенка. Он каждый день появлялся за столом у кого-нибудь из вельмож, которые хотели особенно слыть за патриотов, звал холопски полуименами государственных людей и не только не отдавал чести высшим военным чинам, но охлопывал по плечам приближавшихся к нему за трапезами генералов и всем давал чувствовать, что «боится отравы». С этой целью он или ничего не пил за столом, или же пил только из чужих рюмок и из чужих стаканов... Да, да, да, – я ничего не преувеличиваю, а говорю вам настоящую правду, – этот наглый дикарь вообразил себе, что его у нас хотят отравить, и, приезжая в числе званых гостей, он не садился за стол прямо лицом к прибору, а помещался как-нибудь сбоку или на стул верхом, и или ничего не пил и не ел, или же бесцеремонно брал кусок с чьей-нибудь чужой тарелки и выпивал чужой стакан или чужую рюмку. И это все верно: я сам ездил смотреть его в один дом, – разумеется, incognito, и видел это раскосое лицо, эти ужасные бородавчатые руки, покрытые какою-то рыжею порослью, и слышал даже, как он говорил по-французски: «шерше ля хам»... Истинно, – «шерше ля Хам»... И Хам был найден, – это был сам он... он даже потрепал при всех по лысине генерала и поэта Розенгейма⁹ и назвал гостей «дурашками»... «Чего, мол, смотреть на Европу!.. Дурашки»... И все это не конфузило людей, очень чутких к приличиям, а напротив, придавало значительности господину Ашинову, который после подобного баловства уже до того развернулся, что стал ходить в любые часы к министрам и настойчиво добивался свидания с ними, поднимая при отказе шум и крик. Некоторым из них он в глаза наговорил больших дерзостей в их приемных. Одного сановника он схватил за пальто в вестибюле его казенной квартиры, и тот насилу от него вырвался, покинув в руках его свое верхнее платье; другому он заступил ход на его лестницу, и все множество бывшей при этом прислуги не посмели его отодвинуть и не подали никакой помощи своему господину. Словом, Ашинов, по его собственным словам, «развел такое волнение», что в этой поре его крайнего успеха ему стали предлагать еще одну аудиенцию, при которой он надеялся «стать в голове всех казачьих войск и, набрав денег, всем утереть нос»... Михаил же Никифорович, с позволения вашего, так одурел, что и этакую претензию проходимца почитал за «необходимое завершение прибытия этого смелого человека в столицу русского царства». Это стали поддерживать за

⁹ М. П. Розенгейм (1820–1887), поэт, публицист, генерал-майор, военный судья петербургского военно-окружного суда.

обедами общественные ораторы, а также и известные деятели в печати, а один молодой поэт даже читал друзьям стихи, заготовленные к дню свидания, а «серая публика» ходила смотреть «подносного мальчонку и зверушку». Все кипело и все уже было начеку. Нашлась достаточная доля и между сановниками, которым очень нравилось, чтобы господин Ашинов успел в своей «конечной цели», и... и – стыдно вспомнить, – все почти тогда вслух говорили, что «никаким прошлым этого человека стесняться не стоит». – «Мало ли, что он „воровской казак“! Казаки и все не ахти какие чистюльки... Если бы предки наши стеснялись казачьим воровством Ермака, то не получили бы Сибири!» – И уж как дошли до этого примиряющего с воровством прецедента, то все сомнения пали. Все вдруг обрадовались и, как говорит Щедрин, – «со всяким стыдом сразу покончили». Положение привольное! И оно с известной, патриархальной, точки зрения, пожалуй, может быть, и в самом деле было бы для домашнего обихода хорошо, но мы, злополучные дипломаты, стоим на пороге, так, что у нас затылок дома, а глаза в чужие край смотрят: – мы не находили радости давать соседям право утверждать, будто у нас «со всяким стыдом покончено», и... опять явилась необходимость что-то сынтриговать... Быть может, вы нам и эту вторую интригу простите?

Князь молча поклонился.

– Ну да, – продолжал Жомини, – я вижу, мы с вами все больше сближаемся и, может быть, пока доедем до Петербурга, совсем объединимся в наших понятиях об интриге. Я вам до сих пор указал только случаи, когда мы поинтриговали, а теперь я приведу очень веселый случай, при котором покажу самый процесс, как приходится вести интригу, и вы увидите, что это есть настоящие и неоценимые наши заслуги.

IV

Дело касается опять тех же самых болгар, которых вы упрекнули политической неблагодарностью. Но нам приходилось действовать не против неблагодарных, а против тех, которые делали историю другого рода. Вдруг оттуда стали прибывать сюда к нам болгары, которые приносили нам жалобы на своих за бесцеремонное с ними обхождение: проще сказать, они жаловались, что их секли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.